

Утренний лед, не лед даже, а хрупкая пленка, треснул и покачивался на воде осколками. Они то сталкивались, то разъезжались, обнажая темные промоины, по которым с тихим негодованием плавали лебеди. На острова спускались морозные, деревянно-бурые сумерки: минуло три часа пополудни, близилось к четырем. От какого-то глинистого дыхания, от дыхания города, за воротами парка воздух мутнел и сгущался, и из этого воздуха торчали макушки оледеневших деревьев. Бронзовый январский холод сковал и землю, и небо; к небу солнце не могло пробиться — но на лебедях, на кромке льда, на рядах блеклых, угрюмых домов эпохи Регентства лежал непривычный отблеск, будто сам холод был светом. Всегда есть что-то величественное в самой холодной поре зимы. На мостах, на черных дорожках звенели шаги. Погода установилась; вечером подморозит еще.

На пешеходном мостике между островом и большой землей мужчина и женщина беседовали, облокотившись на парапет. На пронизывающем холоде, из-за

которого прохожие ускоряли шаг, они устроили долгую летнюю остановку. Они замерли, не замечая, что творится вокруг, будто влюбленные — но их рукава даже не соприкасались, мужчина и женщина были увлечены не друг другом, а ее рассказом. Теплые пальто делали их бесполоыми, окостенелыми, похожими на шахматные фигурки: два состоятельных человека, чьи тела, за бастионами меха и ткани, непрерывно вырабатывают тепло; холод они только видели, а если и чувствовали, то разве что в конечностях. Время от времени он притопывал ногами или она прикрывала муфтой лицо. Сталкиваясь, льдинки уплывали под мост, и пока двое на мосту разговаривали, их отражения бесконечно дробились в воде.

Он сказал:

— Зря ты вообще его трогала.

— А все-таки, Сент-Квентин, ты бы на моем месте поступил точно так же.

— Нет, это вряд ли. Право же, я совершенно не желаю знать, о чем думают другие.

— Если бы я только знала...

— Однако же узнала.

— Я давно так не огорчалась.

— Бедняжка Анна!.. А кстати, как ты его нашла?

— Что ты, я его не искала, — быстро ответила Анна. — Пожалуй, теперь я предпочла бы и вовсе не знать о том, что он существует, а до того, сам понимаешь, мне такое и в голову не приходило. Ее белое платье принесли из чистки вместе с моим, я вынула свое, потому что собиралась его надеть, а ее платье, поскольку у Матчетт был выходной, отнесла к ней в комнату. Порция, конечно, была на занятиях. Я, разумеется,

была готова к тому, что ее комната выглядит просто возмутительно: у нее там повсюду какие-то композиции, к которым Матчетт даже не притронется. Сам знаешь, какие бывают слуги — к тебе по мелочам придираются, зато детям и животным готовы бесконечно делать поправки.

— Считаешь, она ребенок?

— Скорее животное. А я ведь украсила эту комнатку к ее приезду. Откуда же мне было знать, что она будет так бездумно жить. Я теперь туда почти и не захожу, у меня просто сразу портится настроение.

— Какая досада, — вяло отозвался Сент-Квентин.

Он втянул голову в складки шарфа, с безучастным вниманием поглядел на Анну. Порой в беседе с ним она принималась немного подтрунивать и над собой, и над своими бедами, преподнося себя так, чтобы в точности соответствовать его взглядам на представительниц ее пола. Она перекраивала себя, чтобы угодить ему — любезно, с легким дружеским нахальством. Ему же в этом переигрывании виделся своего рода блеф, и это располагало его к Анне, которая, впрочем, и так ему очень нравилась. Плавностью своих черт, тоненькой, иронической улыбкой и тем, как, улыбаясь, она опускала подбородок, Анна напоминала ему язвительную белую уточку. Но нынче за ее игрой и в самом деле угадывалось огорчение: она уткнулась подбородком в пышный меховой воротник, на лбу, под меховой шапочкой, которую она носила, надвинув на глаза, угадывались морщинки. Она печально глядела на свою муфту, на щеках у нее лежала тень тонких светлых ресниц; изредка она высовывала руку из муфты и терла кончик носа платком. Она чувствовала,

что Сент-Квентин на нее смотрит, но не подавала виду, зная, что в его жалости к женщинам есть некоторая доля ехидцы.

— Я повесила ее платье, — продолжала она, — а затем всего-то осмотрелась, одним глазком, скорее даже из чувства долга. Настроение, конечно, сразу испортилось, я даже решила, что нужно все-таки ее держать в каких-то рамках. Но у нас с ней престранные отношения — всякий раз, когда я пытаюсь обозначить ей эти самые рамки, она их попросту не замечает. И она совершенно не умеет бережно обращаться с вещами, для нее что шляпка, что, например, старый конверт — совершенно никакой разницы. Все, что у нее есть, понимаешь, это как будто и не ее вовсе, поэтому ей бессмысленно дарить подарки, разве только что-нибудь съедобное, а такие подарки ей не всегда по вкусу. Это все, наверно, оттого, что они жили в гостиницах. Так вот, я подумала, что если уж ей что и понравится, так это миленький секретер, который нам достался еще от матери Томаса — возможно, и ее отец за ним сидел. Я поставила его к ней в комнату. Ящички запираются на ключи, а откидная крышка очень широкая — чем не письменный стол. Крышка запирается тоже: я надеялась, она увидит, что я не собираюсь мешать ей жить своей жизнью. И еще, может, мы, конечно, с этим и поторопились, но мы ей даже ключ от дома дали. Но ключи от секретера она, похоже, потеряла — их нигде не было видно, все нараспашку.

— Какая досада! — снова повторил Сент-Квентин.

— Вот именно. Потому что если бы... Однако... В общем, и тут я вижу этот несчастный секретер. Она его набила... нет, правда, он просто лопался от бумаг, будто

мусорная корзина. Такое чувство, что она тащит к себе каждую бумажонку, писем она почти не получает, зато хранит все, что мы с Томасом выбрасываем, — записки с просьбами денег, брошюрки с шарлатанскими лекциями. Как говорит Матчетт, я так и обомлела.

— Когда открыла секретер?

— Понимаешь, он так ужасно выглядел. Крышка не закрывалась — бумаги лезли наружу, торчали из щели. Меня просто затрясло от ярости — даже и не скажу, почему. Я сгребла все бумажки и швырнула их в кресло — думала, там их и оставлю, а потом ей скажу, что нужно следить за порядком. Под бумагами лежали какие-то ее школьные тетради, а под тетрадями — этот дневник, который я, как уже сказала, прочла. Такая, знаешь, неприметная черная книжечка в муаровой обложке, они по шиллингу обычно... Ну и после этого мне, разумеется, пришлось вернуть все на место.

— Так же, как и было?

— По-моему, совершенно так же. Может, мне и не удалось в точности воспроизвести тот беспорядок, но вряд ли она это заметит.

Они помолчали, Сент-Квентин поглядел на чайку. Потом сказал:

— До чего же это все затруднительно.

Анна сжала руки в муфте, вскинула глаза, сердито посмотрела на озеро.

— Она еще не родилась, а от нее уже были одни неприятности.

— То есть лучше бы она и не рождалась?

— Ну, естественно, сейчас я именно так и думаю. Хотя, знаешь, ты, пожалуйста, так не говори — она все-таки сестра Томаса.